

РАДА МУРАШКО
По ту сторону
ВОЛШЕБСТВА

12+

Рада Мурашко

По ту сторону волшебства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56530928

SelfPub; 2020

Аннотация

О чём мечтала в юности Снежная Королева? Зачем Румпельштильцхену понадобился королевский ребёнок? Почему мачеха и сёстры Золушки не узнали её на балу? Ответ на эти (и не только) вопросы вы найдёте в сборнике сказок для взрослых "По ту сторону волшебства". В сборнике содержатся как произведения, написанные по мотивам известных сказок, так и оригинальные авторские истории.

Содержание

По следам любимых сказок	4
Последняя жертва	4
Конец эпохи	11
Проклятый подарок	18
После любви	24
Любимая дочь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

По следам любимых сказок

Последняя жертва

Жертву приносили каждую зиму. В ту пору, когда морозы становились самыми злыми, а пронизывающие холодные ветра с севера не давали выйти из дома, тут же перехватывая дух и залепляя глаза колючим снегом. Тогда совет старейшин выбирал несчастного, который должен был усмирить ненасытный дух Мороза.

Жертву выводили за городские ворота и оставляли в пустынном заснеженном поле. Уже на следующее утро убивающие всё живое холода исчезали – вместе с обречённым. Из года в год Мороз отступал назад в свои владения, приняв очередную жертву, из года в год люди потом не находили и следа от отправленного на смерть человека.

Старики говорили, что когда-нибудь найдётся человек с сердцем настолько горячим, что его огонь сможет противостоять Морозу. Впрочем, наверное, они и сами в это не верили, ведь ни разу в поле не выгнали ни крепкого воина, ни сильного духом мудреца. Ни у одной из жертв, избираемых советом старейшин, не было ни малейшего шанса выстоять против могучего волшебника.

Вот и в этом году на верную смерть отправляли совсем

беспомощную девчущку – тонкую, хрупкую, сразу ясно, даже шага в такую стужу не сделает, замёрзнет прямо под воротами. Жители города с тайным облегчением наблюдали из-за полуприкрытых ставней, как девчонку ведут через город. Каждый втайне был рад решению совета – в этом году ни одной семье не придётся оплакивать пропавшего родственника, умереть должна всего лишь безвестная бродяжка.

Приговорённая шла ровно, спокойно подняв голову, будто не замечая ледяного пронизывающего ветра, который осыпал идущих мелкими колючими льдинками. Никаких слёз, никаких напрасных просьб и сетований на судьбу. «Сумасшедшая» – решили горожане, изгоняя из сердец остатки сочувствия.

Ворота захлопнулись с громким лязгом, отрезая жертву от возможности спасения. Девушка остановилась только на мгновение и снова двинулась вперёд, будто не заметив, что не позволяющий замедлить шаг конвой остался далеко позади, в безопасности городских стен.

Она не бросила прощальный взгляд на предавший её город, не послала его жителям беспомощного проклятия или понимающего прощения. Она не была ни удивлена, ни испугана случившимся. С тех самых пор, как она начала понимать что-то об окружающем мире, она всегда знала, что подобная участь не обойдёт её стороной. Девочка, которую некому пожалеть и некому защитить – кто может быть более подходящей жертвой? И так о ней забывали на удивление

долго.

Сейчас она почти не чувствовала постепенно пытающейся захватить её боли. Когда-то она уже испытывала подобное. Давно, когда в одну из таких же холодных ночей отец отправил её продавать спички. У неё не купили ни одного коробка, и она не могла вернуться домой – разгневанная семья была намного более страшной угрозой, чем лютый мороз.

Она жгла спичку за спичкой в безнадёжной попытке согреться. Маленькое зыбкое пламя не давало тепла, но рождало в её воображении чудесные картины, которые позволяли на время забыть о холоде. Тогда она впервые подумала, что люди придают реальности неоправданно большое значение. К чему так о ней беспокоиться, если иллюзии почти ничем не отличаются и могут быть так же хороши? Всё, что нужно человеку, оказалось возможным найти в себе самом. Кроме еды и тепла, но это ей охотно давали за выполнение грязной домашней работы.

Да, она не вернулась домой после той ночи. Когда её нашли, то подумали, что она умерла. Весть о замёрзшей на смерть девочке быстро облетела город, заставив родителей увериться в её гибели. Придя в себя в подвале больницы для бедняков, куда до похорон сваливали неузнанных покойников, она решила не называть своего имени. С тех пор она бродила по городу, предлагая людям помощь в обмен еду и кров.

За эти годы она окончательно привыкла к холоду, который

стал неизменной частью её жизни. И сейчас она не чувствовала ужаса перед ожидающей её участью. Она-то уже знает, что в стуже на самом деле нет ничего страшного. И в смерти тоже. В жизни вообще нет ничего страшного и ничего важного, из-за чего стоило бы терзать себя бесполезными чувствами.

Можно было сесть прямо в снег и спокойно ждать конца, но идти казалось интереснее. Она здесь никогда ещё не была, и теперь сияние инея на снегу, ледяное мерцание сугробов и холодный свет луны, будто рисующий перед ней дорогу, немного её развлекали. Нет, по большому счёту ей было всё равно, двигаться вперёд или остаться в любой точке своего пути, но раз уж нужно сделать какой-то выбор, то почему бы не идти?

Она не почувствовала никакого удивления, когда перед ней возник величественный ледяной дворец. В самом деле, почему бы в снежной пустыне не стоять дворцу? Внутри было ещё холоднее, чем снаружи. Она бесцельно прошла по анфиладе комнат, почти без интереса оглядывая застывшие вдоль стен ледяные статуи. Прошлые жертвы замерли с перекошенными от боли и ужаса лицами, сжавшись и обхватив руками колени, будто пытались согреться о самих себя.

В последнем зале на ледяном троне восседал огромный величественный старик. При виде гостыи он изумлённо распахнул глаза и медленно поднялся с трона. Это была первая жертва, самостоятельно добравшаяся до его дворца, и

волшебника охватил невольный страх. Уже много веков он смеялся над глупыми человеческими сказками о горячем сердце, способном уничтожить его силу, и продолжал украшать свой дворец прекрасными ледяными статуями, которые услаждали его зрение и были единственной страстью бездушного чародея.

И вот очередная статуя стоит перед ним всё ещё живая и невредимая. Но в её глазах нет и следа того пламени, которое должно выдавать сильное сердце. Там только пустота и стужа. Почти как у него...

Значит, она уже застывает. Застывает, не крича от боли и не пытаясь отыскать в себе каплю тепла. Она станет самой прекрасной статуей в его коллекции.

Мороз нетерпеливо поднялся навстречу гостье, протягивая к ней посох. Жизнь должна окончательно уйти из неё уже сейчас. Нельзя упустить мгновение, когда жертва так великолепна, и допустить, чтобы она превратилась в такую же съёжившуюся маленькую фигурку, как остальные.

Будущая статуя смотрела на него без страха, и в душу Мороза снова закралась тревога. Ещё ни один человек не сохранил такого хладнокровия, оказавшись с ним лицом к лицу. Он промедлил лишь мгновение, пытаясь разгадать возникшую перед ним загадку, но жертва уже протянула руку к посоху, будто готовясь добровольно принять гибель, и легонько толкнула его назад.

Ледяное острие больно вонзилось ему в ледяную грудь,

разбивая своего владельца на тысячу холодных осколков.

Жертва с лёгким удивлением замерла в центре зала, удобнее перехватив посох. Она победила Мороза. Без всяких усилий, без желания и надежды. Глупые люди. Они думали, что от чародея спасёт чьё-то горячее сердце! Ха! Любая сила уязвима, и силе огня нечего надеяться уцелеть в борьбе с силой холода. Уязвимо всё, в чем есть хоть капля слабости. Желания, страхи, надежды и стремления – всё это рано или поздно погубит любого человека и любого чародея, каким бы могуществом он ни обладал.

Только равнодушие непобедимо. Она без всякого желания на то одолела глупого старика, просто потому что он почему-то на мгновение испугался. Да, она ясно видела страх в ледяных глазах. Глупое чувство. Чувства вообще глупы, и нет никакого смысла на них размениваться. Вот ей была безразлична собственная судьба и судьба других. Оказалось, этого достаточно, чтобы стать владычицей холода, заняв место этого чудака.

Да, она уже снова ощущает почти полностью застывшее тело, слышит, как густеет и замерзает кровь, превращаясь в длинные нити льда. Она не умирает. Она становится частью холода, и холод становится частью её. Посох принял новую Королеву и дарит ей силу севера.

Ледяные скульптуры по-прежнему стоят вдоль ледяных стен. Она оставила всё на местах. К чему что-то менять, если на самом деле это не имеет никакого значения. Хотя она

не понимает, почему их так любил прошлый властелин. Ей вот всё равно. Из всех человеческих чувств остались только слабые отголоски тоски, которые возвращаются каждую зиму, когда она вспоминает, как поступили с ней люди. Эта тоска поднимает маленькую бурю среди снежинок и кусочков льда, и холод ползёт за пределы её царства, на человеческие земли.

Её это не беспокоит. Её по-прежнему не беспокоит ни своя судьба, ни судьба других, поэтому теперь люди могут быть спокойны. Равнодушие новой владычицы холода слишком сильно, чтобы в ней оставались какие-то желания. Поэтому жертвы больше не нужны.

Правда, изредка люди стали сами забредать в её владения. Конечно, они быстро замерзают насмерть. И всё равно едва ли не каждый год находят новые любопытные. Она всегда знала, что люди безнадежно глупы.

Конец эпохи

Гонец спешился, давая лошади отдохнуть. Торопиться было некуда. Рыскать по королевству в поисках не знакомых королеве имён он не собирался – посланник понимал, что имя, которое нужно его правительнице, не может принадлежать кому-то из простых смертных.

Он знал, что если разгадка и может отыскаться, то только здесь, в старом глухом лесу, куда люди давно позабыли дорогу. Его бабка когда-то рассказывала, что в его чаще нашёл приют последний маг, сумевший уцелеть в те мрачные времена, когда их землю наводнили чужаки, ненавидящие и презирающие старых богов и всех, кто продолжал их чтить.

Его бабка тоже закончила жизнь под ударом меча – кто-то донёс, что она зажгла огонь в своём очаге от искры Бельтейновского костра, что в Майскую ночь она встречала приход лета и радовалась вместе со старыми богами.

Мальчик-сирота, оставшийся совсем один, ожидал, что и его постигнет та же участь. Но вместо этого человек, не слезавший с лошади всё время, пока велась расправа, вдруг махнул рукой, приказывая подвести ребёнка к нему.

– Сколько тебе лет?

Мальчишка вздрогнул, услышав ровный, почти равнодушный голос.

– Четыре.

– Тебе ведь не с кем теперь жить, так?

– Да.

– Поедешь со мной, – решил незнакомец, тут же теряя к ребёнку интерес и отворачиваясь, чтобы отдать сопровождающим приказы.

Впрочем, едва мрачная кавалькада двинулась прочь от опустевшей деревни, он снова обернулся к мальчику, будто что-то вспомнив.

– Не бойся, – обронил он, растягивая губы в сухой улыбке.

Скоро они приехали в замок – безликую каменную крепость, окружённую высокими неприветливыми стенами. О ребёнке тут же забыли, поручив его старой кухарке.

Шли дни, и постепенно он привыкал к новой жизни. Кухарка напоминала ему бабушку, позволяя чувствовать себя не так одиноко. Она тоже рассказывала по вечерам захватывающие истории, в которых проказничали и пакостили людям вредные злые бесенята и черти. В образах нечисти, которой его нянька искренне боялась, мальчик узнавал хорошо знакомых ему по рассказам бабушки древних богов и духов. Поначалу он перебивал кухарку, пытаясь объяснить ей, как всё было на самом деле, но старая женщина только улыбалась и начинала другую сказку. Слушать их было интересно, и скоро он перестал спорить, незаметно для себя впитывая чужие небылицы и отрекаясь от прошлого.

Ему жилось вовсе не плохо – кухарка, тоже совершенно одинокая, полюбила его, как родного внука, хозяин замка

обучал его грамоте, и иногда мальчишке казалось, что всегда невозмутимый опекун тоже в душе к нему привязан. Ему даже позволялось выходить за ворота, навстречу бескрайним лугам и молодым перелескам.

Когда мальчик вырос, опекун позаботился, чтобы его взяли на королевскую службу. Зная любовь воспитанника к необъятным просторам и долгим путешествиям, наставник даже великодушно попросил, чтобы того назначили королевским гонцом. Епископ пользовался при дворе безграничной властью, и пожелание было выполнено.

Прежде чем новый слуга короля покинул дом, он поклялся помнить о благодарности и верно служить тому миру, олицетворением которого для него стал опекун. Уже на следующий день такую же клятву он принёс и королю.

Оба обещания были даны совершенно искренне – жизнь для него сложилась настолько хорошо, насколько только можно было желать, он был счастлив и по-настоящему благодарен за это человеку, который когда-то решил о нём позаботиться...

И вот теперь он должен разузнать имя, которое поможет королеве разорвать сделку, заключённую в момент страха за жизнь. Впрочем, гонец думал, что судьбу мельниковой дочки ничто не может изменить с того самого мига, как её отцу вздумалось хвастаться необычными умениями дочки. При дворе не была нужна ни ведьма, ни самозванка.

Гонец удивлялся, почему беднягу не казнили ещё тогда,

год назад. Как-то он даже спросил об этом у епископа, навещая того в замке. Опекун по обыкновению сухо улыбнулся в ответ и произнёс что-то расплывчатое об интересах королевства и о том, что всему своё время.

Но родившегося наследника нужно было сохранить, поэтому сейчас гонец пробирался через густые заросли, стремясь проникнуть в самую глубь старого леса.

Кряжистые вековые деревья возвышались, как грозные стражи. Ветки цеплялись за одежду, заставляя то и дело оглядываться с невольным страхом – древние сказания, услышанные от бабки, здесь будто оживали. Старые боги вступали в свои права, прежний мир царил вокруг, будто в него и не вторгались чужаки.

«Если ты не нарушаешь незыблемых правил и не желаешь зла, то бояться нечего» – с неожиданной ясностью всплыли в памяти слова бабушки, впервые открывающей для него прекрасное и грозное царство лесов.

Гонец вздрогнул, озираясь вокруг с усиливающимся беспокойством – он-то пришёл сюда как посланец враждебной стороны, как чужак.

Лошадь, то ли тоже почувствовав близость чего-то неизвестного и грозного, то ли просто ощутив тревогу владельца, вдруг остановилась, мотая головой и упрямо отказываясь двигаться дальше. Привязав перепуганное животное к дереву, гонец продолжил путь, то и дело замирая и прислушиваясь.

Проснувшееся чутьё помогло заметить едва различимую петляющую тропинку, которая то и дело обрывалась, чтобы через мгновение снова мелькнуть где-нибудь впереди.

«Они уничтожают всё, что нам дорого, они поят своё божество нашей кровью и приносят ему в жертву наш мир, – снова пробудились воспоминания, кажущиеся теперь такими яркими, будто бабушка шла рядом с ним, неспешно ведя беседу. – Но великий маг уцелел. Придёт время, и он найдёт ученика. Тайные знания не угаснут, светлая жизнь не иссякнет. Их божество пресытится и захлебнётся, и отступит, уводя их с собой. И тогда прежний мир выйдет из тени и всё вернётся на свои круги».

Гонец невольно замедлил шаг, терзаемый сомнениями. Безграничная вера в бабушкины рассказы позволила ему сразу догадаться, кто мог помочь мельниковой дочке и зачем ему понадобился королевский ребёнок. И вот сейчас он должен отыскать убежище старого мага и узнать его имя, чтобы окончательно решить ход судьбы.

На мгновение в нём проснулся маленький мальчик, помнящий заветы предков, видящий красоту и гармонию их мира, осознающий свою неразрывную связь со всем зримым и незримым, единство всего. Где-то в глубине души шевельнулась мысль, что благодарность одному не должна оборачиваться предательством своего народа.

Но тут же слуга короны, подопечный епископа, воспитанник нового мира уверенно поднял голову. Он должен испол-

нить приказ. Почему он может думать, что кто-то лучше епископа и короля знает о том, что будет правильно для мира и народов? Нет, его дело – верно служить своим повелителям и не сомневаться в их выборе.

Гонец снова двинулся вперёд, заведя вдалеке слабые отблески огня. Скоро между ветвями мелькнул костёр, возле которого сидел невысокий седой старик. Осторожно ступая, едва дыша и стараясь не потревожить ни одну ветку, гонец приблизился так, что можно было расслышать тихое бормотание.

– Имя, имя, имя... – повторял старик. – Они не помнят ничьих имён и не называют собственных, когда вторгаются в наши дома. Но всё вернётся на свои места. Священные роци зазеленеют вновь... Королева не знает имени... Завтра старый Румпельштильцхен получит ученика. Мой преемник...

Дождавшись, когда старик замолчит, погрузившись в дрему, гонец шагнул назад, торопясь скрыться незамеченным. Под ногами хрустнула сухая ветка. Старый маг вскинул голову, встревоженно озираясь, но ночная темнота надёжно укрывала замершего в страхе незваного гостя.

– Золото, золото, золото... – снова забормотал старик. – Алчные глупцы! Только живое имеет смысл... Только жизнь... Живое мне милее всего на свете...

Не в силах больше справляться с необъяснимым ужасом, гонец бросился назад, не останавливаясь и даже не пытаясь понять, заметил его старый маг или нет. Несмотря на уве-

ренность в собственной правоте, он чувствовал себя одним из тех палачей, что год за годом жгли и резали его народ во имя своего порядка. Он был предателем.

– Я не мог отыскать ни одного нового имени, Ваше Величество, – рассказывал гонец, представ перед королевой. – Но когда в самой чаще леса набрёл я на высокую гору, куда разве что лиса да заяц заглядывают, то увидел я там маленькую хижину, а перед нею разведен был огонёк, и около него поскакивал пресмешной человечек, приплясывая на одной ножке и припевая:

*Нынче пеку, завтра пиво варю,
У королевы дитя отберу.
Ах, хорошо, что никто не знает,
Что Румпельштильцхен меня называют!*

Гонец сам не знал, откуда в голове взялась эта разухабистая песенка, и зачем он так глупо приукрашивает историю, делая её похожей не на быль, а на те нелепые рассказы, которые так любят при дворе.

Но когда он добрался к концу рассказа, он уже и сам почти поверил себе. Королева благодарно улыбнулась ему, и на душе стало легко.

Проклятый подарок

«Вы ведь этого хотели, моя Королева» – эти слова терзают Королеву дни и ночи, и она уже не всегда понимает, когда они раздаются на самом деле, а когда рождаются её измученным воображением.

– Нет, – отчаянно шепчет Королева, беспокойно расхаживая по пустому парадному залу. – Нет!

Никогда она не могла пожелать того, что произошло. Но она не смогла справиться с собственной слабостью и теперь расплачивается за это.

Она всегда знала, что Зеркало её ненавидит. Но было так заманчиво пользоваться его услугами снова и снова, зная, что оно не может оказать. Она чувствовала себя всемогущей...

На самом деле всемогущим оказалось проклятое стекло, которое было не в силах не подчиниться её желаниям, но могло сказать намного больше, чем она желала знать.

Если бы только её отец знал, заключая в зеркальный плен и обрекая на бессмертие в вечном заточении живую душу, на что этим самым обрекает собственную дочь. Но он всего лишь хотел ей счастья. Да, счастья для неё и признания для себя. Второе он действительно получил. Свадебный подарок простого зеркальщика, преподнесённый дочери и враз сделавшей её могущественней всех королей и королев в округе,

подарил ему славу, вихрем разнёсшуюся по всем соседним королевствам.

А вот с ней всё получилось иначе. Зеркало ненавидело её, потому что не могло хранить в себе мучительную обиду на собственную судьбу и проклятого мастера, так легко распорядившегося жизнью случайного гостя. И ещё потому, что сделанное было осуществлено в её честь. Да, она не хотела и даже не думала об этом, но какое это имеет значение?

Когда она впервые приказала Зеркалу показать ей королевство, оно охотно продемонстрировало картинки с изображениями придворных, которые в пылу негодования открыто осуждали своего монарха за брак с простолюдинкой, да к тому же якобы колдуньей.

Потом эти слова повторились и самому королю, во время дружеской охоты. Правитель лишь сурово сдвинул брови, но ни словом не возразил приближённым. К тому времени их браку исполнился уже год, а царственная чета всё ещё не ожидала наследника. Король всё чаще бросал на жену настоженные косые взгляды, и всё больше внимания уделял дочери, колко замечая, что если уж, ко всеобщему несчастью, унаследовать трон предстоит девчонке, пусть она хотя бы будет подготовлена к государственной работе.

Потом Зеркало показывало ей какие-то бедные хижинки на окраинах королевства, старух, варящих отравляющие зелья...

Вскоре Королева поняла свою оплошность и стала отда-

вать Зеркалу более чёткие приказы, исключаяющие всякую возможность вольного выбора отображаемой местности. Вот только было уже поздно. Увиденные картинки крепко засели в памяти, будоража воображение и вызывая злые желания каждый раз, когда Король упрекал её в негодности и пророчил правление Белоснежки.

Не то чтобы ей было так уж важно, кому достанется престол. Сказать правду, Королева не видела ничего привлекательного в бесконечном решении споров между придворными, в заботе о простолюдинах, в отражении натисков соседних войск...

Но она беспокоилась за свою жизнь. Зеркало показывало ей прежних правителей и их борьбу за трон – пытались с ними соперничать или нет, всё равно ни один близкий родственник новообъявленных королей не оставался в живых. Для безопасности, чтобы жадные к власти дворяне не использовали имя монаршей фамилии для своих тайных козней.

Королева не хотела умирать ради безопасности Белоснежкиной короны. Зеркало твердило, что это неизбежно.

Королева всегда знала, что Зеркало её ненавидит. Но знала также и то, что оно не может солгать...

Однако вскоре она поняла, что для неё всё может закончиться намного раньше и бесславней. В один из дней, когда она, привычно сжигаемая тревогой и ревностью, приказала Зеркалу показать её мужа, стекло отразило двоих. Ко-

роль любезничал с вдовой герцогиней, сетуя на несчастливую судьбу и неудавшийся брак.

Он всё ещё мечтал о наследнике. У герцогини был сын от первого брака. Она вполне могла родить ещё одного...

– Ненавижу! – Королева с пронзительным визгом ударила по стеклу тонким кинжалом, который всегда брала с собой во время прогулок.

Вместо того, чтобы разбиться, стекло мягко обволокло её руку, пропуская вглубь себя... Королева отпрыгнула с испуганным воплем, но было уже поздно – там, в уютном полумраке чужой комнаты, её муж умирал от точного удара в сердце.

– Ты!.. Это всё ты! – Королева яростно набросилась на Зеркало, теперь уже с определённым намерением разбить, но слабые удары не несли никакого результата – стекло глухо позвякивало, отсылая эхо к самым дальним уголкам замка, но и не думало разбиваться.

– Вы ведь сами этого хотели, моя Королева...

На завтра, не сумев самостоятельно разгадать обычную вежливую улыбку падчерицы, она снова обратилась к ненавидимому и ненавидящему Зеркалу.

Белоснежка готовилась к коронации, беспечно болтая с фрейлинами о подходящем наряде. Придворные вспоминали «колдунью» и говорили, что неплохо бы избавиться от неё раньше, чем она захочет претендовать на корону.

Королева вспомнила распростёртое тело предыдущей

принцессы, сестры её покойного мужа, которая якобы выпала из окна башни. Все знали, что так закончилась борьба за трон. Королева не хотела оказаться на её месте.

– Вы ведь знаете, чего хотите, моя Королева, – насмешливо звенело Зеркало.

И она сделала последний шаг. И получила свободу – от вечного страха, от злых шепотков за спиной, от чужих решений. От всего, кроме тяжёлого, неизбежного чувства вины, заставляющего её бездумно и тревожно бродить по опустевшим покоям, под злорадствующий смех Зеркала убеждая себя, что невозможно было поступить иначе.

Она старалась быть справедливой и доброй правительницей. Кажется, у неё это даже получалось. По крайней мере, приказывая Зеркалу показать королевство, она не замечала хмурых лиц.

Всё закончилось, когда у ворот замка снова появилась Белоснежка. Глядя в глаза падчерицы – как всегда, вежливо-приветливые, лучащиеся, Королева поняла, что проиграла окончательно.

Но только, умирая от беспощадного жара раскалённых туфелек на коронации падчерицы, в последний миг жизни услышав торжествующий крик: «Пляшите же, матушка!», сопровождаемый всё тем же взглядом, поняла, что девчонка с самого начала обманула всех.

...Когда-то она не решилась убить падчерицу, заменив гибель вечным сном. Она тогда не знала, что вечная улыбка

и заученные добрые фразы – всего лишь маска, призванная завоёвывать симпатии для её носительницы. Ведь чем сильнее человека любят, тем больше ему позволено.

Теперь Королева знает, что всё нужно доводить до конца. Но уже поздно.

После любви

Как же холодно! Я невольно спрятала ладони в рукава необъятной белоснежной шубы из самого пушистого и мягкого снега, какой только можно было найти на земле. Давно забытый напрасный жест. Я ведь знаю, что никогда и никуда мне не деться от этого неизбывного холода. Когда же я снова начала его чувствовать? Ведь было же время, когда меня уже не мучила эта боль. Я сама была холодом и не ощущала его. А потом всё снова вернулось.

Когда? Ах да, когда пришла эта девчонка. Тёплая, живая, со сверкающими глазами цвета летней листвы. Она должна была бояться, а на самом деле дышала счастьем. Да, счастье. Когда-то я знала и это чувство. И вот теперь, после прихода девчонки, снова о нём вспомнила, разбудив холод и боль, которые спали на дне моей каменной души.

Когда-то я не помнила, что являюсь всего лишь камнем. Когда-то у меня было имя. Он звал меня Галатеей. Мой возлюбленный Пигмалион, который силой любви смог вдохнуть в меня жизнь. Он подарил мне бессмертную душу, разделив на двоих свою. Подарил бессмертие. Как оказалось, слишком жестокий подарок от того, кто сам им не владел...

Как мы были счастливы! Долго, целую человеческую жизнь. А потом он оставил меня, не сумев преодолеть неизбежный для всех людей конец. Щедрый дар оказался про-

клятием. Бессмертной душе не было выхода из бессмертного камня, в который я снова превращалась.

Я забыла своё имя, забыла, что когда-то мои волосы были чернее ночи, а глаза сверкали ярче звёзд. Добрый северный ветер обволакивал меня снежной пылью, помогая затушить бушующий в душе пожар горя. Никто не знал, сколько прошло столетий, прежде чем вокруг меня остались только бескрайние блистательные и равнодушные снега, и я сама покрылась нетающей коркой льда.

Иногда я летала над миром, ухватившись за рукав роскошной снежной шубы Борея, из которой сыпался на землю холодный белый снег, заглядывала в окна, стучала ставнями и завывала от тоски, глядя, как счастливые люди улыбаются друг другу и разжигают очаг. Когда-то я тоже любила огонь.

Эти прогулки бередили давнюю боль, но я не могла от них отказаться. Вопреки всему мне хотелось жить. Останься я навсегда в своём ледяном царстве, и, может быть, ещё через несколько веков я бы стала бездумной и бездушной глыбой льда, незнакомой с человеческими переживаниями, болью и страстями. Но что-то непреодолимо влекло туда, в мир отчаяния и тепла, заставляя снова и снова взметаться над землёй и жадно приникать к чужим окнам.

Оказалось, люди ещё помнят обо мне. Из их памяти стёрлась история моего рождения, стёрлось моё настоящее имя, но сама я ещё жила в их преданиях. Дети и старики меня боялись, взрослые не верили в меня, и только с уст мечта-

тельных молодых поэтов слово «Королева» слетало с восторгом, с тайной мечтой о великолепии и необычной, невиданной ещё нигде красоте.

Ха-ха, как же они были разочарованы, увидев меня в первый раз! Каждый, кого я приносила в мой чертог, не мог скрыть отвращения к своей королеве! Люди... Всего лишь глупые злые люди. Я надеялась, что кто-нибудь из тех, кто произносит моё имя с трепетом, захочет остаться со мной и скрасить моё одиночество. Я бы ничего для него не пожалела. Весь мир, все земные владения и богатства были бы брошены к его ногам. Да, это было в моих силах. Но стоило мне открыть своё лицо, изуродованное застывшими дорожками слёз, которые я когда-то могла проливать, и я снова оставалась одна.

Я никого не удерживала в своих владениях. Мне не нужны были рабы, я хотела найти друга...

Тот мальчишка не был похож на остальных. Он не преклонялся передо мной и не чувствовал страха. Хотел растопить меня на печи. Мне показалось, что он знает, кто я. Знает, что во мне нет ничего дьявольского и ничего божественного. Что меня не стоит бояться, как нет смысла бояться камня, снега или воздуха. Тогда он меня ненавидел, но кто знает... Если мне не захотел протянуть руку никто из тех, кто говорил обо мне с восхищением, может, он захочет меня послушать?

Я не ошиблась. Не знаю, был он поражён великолепием моего замка, очарован обещаниями власти и славы или по-

жалел меня, но он остался. Мы смотрели на северное сияние, летали над спящим миром, играли в снежки. Но больше всего он любил играть с ледяной мозаикой, выстилавшей полы моих чертогов. С каким упоением перекладывал он эти плиты изо дня в день, пытаюсь выложить слово «Вечность». Он знал, что тогда вечность ему покорится и он обретёт владычество над миром и временем.

А потом пришла эта девчонка. Герда. И он выбрал любовь. Он отказался от всего, что я могла дать, ради счастливых юных глаз этой девочки. Когда-то, много веков назад, я бы поняла его. Теперь я его ненавижу. И когда у них родится сын, они не смогут спать спокойно, потому что Снежная Королева всегда будет поблизости и не упустит своего часа.

Любимая дочь

– Хочешь, я расскажу тебе сказку? – женщина ласково улыбается маленькой девочке, которая уже готова ложиться спать.

Малышка доверчиво кивает и забирается под одеяло.

– Слушай. Жила-была тётя, и была у неё такая же милая маленькая девочка, а больше никого не было на целом свете. Тётя очень любила свою девочку, и девочка её любила. Но потом кто-то сказал девочке, что тётя ей не родная мама...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.